

Происхождение крепостного права в России

В. О. Ключевской. Сочинения в восьми томах.

Том VII. Исследования, рецензии, речи (1866-1890)

М., Издательство социально-экономической литературы, 1959

OCR Бычков М. Н.

I

В изданной недавно на немецком языке книге дерптского профессора русского права г-на Энгельмана¹ опять затронут старый вопрос, который столько раз и с таким напряженным вниманием обсуждался в нашей литературе и все еще остается нерешенным: это вопрос о происхождении крепостного права в России. К сожалению, надобно прибавить, что и книга г-на Энгельмана не снимает этого вопроса с очереди, не дает на него удачного ответа. Одною из причин этой неудачи и едва ли не главною причиною был важный пробел, допущенный автором. В исследовании о происхождении, развитии и отмене крепостного права в России читатель не находит точного и ясного юридического определения русского крепостного права, не видит, что понимает автор под этим термином. По-видимому, автор не находил нужным задавать и самому себе предварительный общий вопрос о том, что это за институт, историю которого он задумал изложить. В кратком введении он отличает древнерусское холопство как от поземельной зависимости, основанной на договоре крестьянина с землевладельцем и соединенной с прикреплением первого к земле последнего (Horigkeit), так и от крепостного права в собственном смысле (Leibeigenschaft)². Холопство исстари существовало на Руси; договорная поземельная зависимость, соединенная с прикреплением к земле, устанавливается только с конца XVI в. Первое было институтом частного права, вторая -- институтом права государственного. С тех пор как установилось поземельное прикрепление, оба института существовали некоторое время рядом в строгой юридической раздельности. С конца XVII в, правительство начало, сближать и смешивать их один с другим, привлекая прежде свободных от тягла холопов к несению государственных повинностей, какие лежали на крепких земле тяглых крестьянах. Это уравнивание холопов с крестьянами повело к тому, что и землевладельцы стали обращаться с теми и другими, как с крепостными (Leibeigene). Этот момент излагаемого автором исторического процесса и не разъяснен им достаточно; именно благодаря отсутствию определения крепостного права остается неясным, стали ли землевладельцы относиться к крепким земле крестьянам, как они относились прежде к холопам, или наоборот, или же, наконец, установилось какое-либо новое отношение к тем и другим, непохожее на прежние отношения ни к тем, ни к другим. Для разъяснения этого пункта читателю приходится собирать рассеянные по книге намеки, в которых вскрывается взгляд автора на сущность русского крепостного права. Но тут читатель встречается с новым затруднением. Г-ну Энгельману не нравится старое московское правительство с теми политическими и юридическими порядками, которые оно устанавливало в своем государстве, и автор при каждом удобном случае спешит поделиться с читателями дурным впечатлением, какое он вынес из изучения этих порядков. Московскому правительству больно достается от автора за нетерпимость, с какою оно стирало местные особенности, все подгибая под невысокий московский уровень, за непонимание самостоятельного местного права, самобытной местной культуры. Автор читает этому правительству суровый, правда, немного запоздалый урок, зачем оно не возвысилось до той мысли, что существование в известной части государства своеобразного и развитого гражданского порядка, крепкого самобытного права нимало не мешает прочному подчинению этой части государственному целому, хотя бы большинство остальных частей этого целого стояло на более низкой ступени развития. Автор того мнения, что это правительство вообще не думало о праве, не ценило его ради него, пренебрегало всяким правом во имя пользы, что единственной обязанностью московских судей было блюсти не право и правду, а близоручко рассчитанный казенный интерес, что московские чиновники понимали закон только в смысле произвольного мероприятия, направленного к удовлетворению минутных потребностей, и т. п. Такие исторические обобщения выступают за пределы научного изучения и соприкасаются с областью личных